

УДК 821.161.09»1815/1917»:2

А.В. Волошко

**РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В.А. ЖУКОВСКОГО
В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ И ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

В последние десятилетия особую актуальность приобрели проблемы, связанные с исследованием религиозного контекста в творчестве писателей. Интерес к религиозному дискурсу обусловлен многими факторами, в частности недостаточным изучением этих проблем в советское время, возрождением религиозной традиции в литературе постсоветского периода, важностью осмысления роли религиозных мотивов в национальных литературах в целом и в творчестве отдельных писателей.

Наследие В.А. Жуковского, который по праву считается первым русским романтиком, занимает значительное место в историко-литературном процессе конца XVIII–середины XIX веков. Исследовательская литература, посвящённая изучению творчества В.А. Жуковского, объёмна и многообразна. В 1988 году А.С. Янушкевич выделил и детально проанализировал такие этапы в изучении наследия великого русского поэта: прижизненная критика 1815–1852 гг., дореволюционная критика и академическое литературоведение 1853–1917 гг., советское литературоведение 1920–1950-х гг., работы о Жуковском 1960–1980-х гг. [15, с. 5-47]. Добавим к этому, что с 1980-х гг. интерес к изучению творчества Жуковского обрёл новое звучание и глубину, что во многом связано с 200-летним юбилеем поэта, который отмечался в 1983 году.

Религиозность Жуковского никогда не вызывала сомнений у литературоведов. Она является важной особенностью мировоззрения поэта и неразрывно связана с его творчеством. Даже в советский период, когда эту тему было принято обходить молчанием, некоторые исследователи признавали важность религии, христианства, православия для поэта. «Ключ к мировоззрению и творчеству Жуковского – его

религиозность, отводившая социальным проблемам второстепенное место» – писала в 1970 году И.М. Семенко [14, с. 59]. Однако, признавая религиозность поэта, многие исследователи преуменьшали её значение, интерпретировали её в духе, соответствующем времени (например, советском) или собственной концепции.

Работы, посвященные изучению творчества Жуковского, детально анализировали такие исследователи, как И.А. Айзикова, Д.В. Долгушин, Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич и другие. Однако проблема отношения к религиозности В.А. Жуковского в критике и литературоведении требует более детального рассмотрения.

Цель предлагаемой статьи – проанализировать отношение исследователей к личности и творчеству Жуковского, к его религиозности в прижизненной критике и дореволюционном литературоведении.

При жизни Жуковского его творчество вызывало бурную полемику. Начиная с появления в 1815 году комедии А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», где автор высмеивал «чувствительного поэта» Фиалкина, в котором легко угадывался Жуковский и его «модные» баллады, споры вокруг произведений поэта не утихали. М.Н. Загоскин, Н.И. Гнедич, А.Ф. Мерзляков, О.М. Сомов, представители декабристской критики осуждали писателя за нарушение правил нормативной поэтики, отсутствие народности, отсутствие гражданской позиции и т. д. Напротив, А.С. Грибоедов, В.Г. Кюхельбекер, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин и другие восхищались новаторством Жуковского в области поэтического языка, простотой и естественностью тона его произведений. Новым словом в осмыслении значения творчества Жуковского стали работы Н.А. Полевого, В.Г. Белинского. По словам А.С. Янушкевича, «Полевой впервые поставил вопрос о природе психологизма поэзии Жуковского и художественных средствах его выражения» [15, с. 12]. В.Г. Белинский выявил место поэта в русской литературе, указал на его оригинальность, новаторство, психологизм, «сердечность». Критик считал, что значение Жуковского не исчерпывается влиянием только на русскую литературу. По его мнению, произведения поэта «представляют собою великий факт и в истории нашей

литературы, и в истории эстетического и нравственного развития нашего общества» [4, с. 546].

Проблемы религиозности поэта и его творчества длительное время не привлекали внимания современников. Показательна в этом отношении позиция В.Г. Белинского. Перечисляя такие важные темы в поэзии Жуковского, как «томительное порывание в какую-то туманную даль, за которой тускло мерцает заря лучшей жизни, вечная грусть по каком-то недостижимом идеале блаженства, <...> благородная покорность воле провидения, гордая и твёрдая вера в вечность любви и жизни, <...> перенесение всех упований по ту сторону жизни, *туда*, где свершение всех обетований души и мистических предчувствий полного любви и страдания сердца...» [3, с. 505], критик объясняет их наличие в поэзии Жуковского тем, что писатель «и в глубокой старости остаётся тем же юношей, каким явился на поприще литературы» [3, с. 508]. Романтизм, по мнению В.Г. Белинского, – пора юности в истории человечества, и каждый человек в своей жизни должен пережить пору «пробуждения духа, сознавшего себя духом» [3, с. 505]. Поэтому поэзия романтика Жуковского всегда будет находить отклик у тех, кто молод сердцем. Заметим, что явно религиозные темы критик переосмысляет как поэтические и романтические. Такой подход соответствовал не только концепции самого В.Г. Белинского, но и духу времени становления романтизма в русской литературе, и представлениям Жуковского 1810-1830-х годов. По словам Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой поэта в этот период «религия волновала скорее в историко-культурном и нравственно-эстетическом аспектах» [11, с. 6].

В конце 1840-х гг. интерес к творчеству поэта возобновляется в связи с его переводом «Одиссеи» Гомера. Такие критики как В.Г. Белинский, Г.С. Дестунис, П.А. Лавровский, Б.И. Ордынский, С.П. Шевырев и другие обращали внимание на точность и поэтичность перевода, влияние на дальнейшее развитие национальных форм эпоса, наконец, на нравственное развитие общества.

В 1830–1840 годы углубляется религиозность Жуковского. В изданном в 1849 году переводе «Одиссеи» Гомера, безусловно, нашли

выражение эти тенденции мировоззрения писателя. Связь перевода «Одиссеи» с религиозными взглядами и историософией Жуковского уже в XXI в. проанализировал И.Ю. Виницкий [6]. Из современников поэта эту связь наиболее ясно почувствовал Н.В. Гоголь, чему способствовала духовная близость писателей, сходство их эстетических взглядов и религиозных убеждений. В статьях «Об Одиссее, переводимой Жуковским» и «В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность» Гоголь определяет поэзию Жуковского как источник нравственного развития общества в целом и каждого читателя в отдельности. Только христианин, уже постигнувший значение жизни, может, с точки зрения Гоголя, иметь такой углублённый взгляд на жизнь, который помогает раскрыть истинную красоту и нравственное значение поэзии, даже языческой. Именно таким поэтом представляется ему Жуковский [7]. Значение «Одиссеи» для русского общества было преувеличено Гоголем, но он одним из первых коснулся вопроса о связи христианского мировоззрения поэта и его творчества.

В дореволюционной критике и академическом литературоведении 1853–1917 гг. были периоды всплеска интереса к Жуковскому, связанные со смертью поэта в 1852 году и с двумя юбилейными датами: 100-летием со дня рождения в 1883 году и 50-летием со дня смерти в 1902 году. Для этого этапа изучения личности и творчества Жуковского характерен повышенный интерес к его биографии, интерпретация его произведений в связи с осмыслением жизненного пути автора.

Кроме того, спустя 50 лет после смерти писателя закончилось действие авторских прав на его произведения и они получили массовое распространение. Поэт «для немногих», таким образом, стал поэтом «для всех».

Е.Е. Анисимова в статье «В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902)» отмечает, что в изучении творчества писателя в дореволюционный период можно выделить три подхода: популяризаторский, академический и романтический [1]. Они были представлены в монографических работах К.К. Зейдлица, П. Загарина (Л.И. Поли-

ванова), Н.С. Тихонравова, А.Н. Веселовского и других исследователей, которые стремились осмыслить творчество поэта через определённые аспекты его биографии.

Каждый исследователь анализировал религиозность Жуковского в соответствии со своей концепцией, оценивая её через призму собственного восприятия личности поэта.

Например, К.К. Зейдлиц интерпретирует религиозный путь Жуковского в соответствии с романтической оценкой его жизни. По мнению биографа, истинной сущностью романтического мировосприятия Жуковского являлась его бескорыстно-рыцарская любовь к Марии Протасовой-Мойер. Эта любовь делала веру поэта радостной и непринуждённой. После женитьбы на Елизавете Рейтерн в 1841 году у Жуковского появляется несвойственный ему ранее мистицизм, пессимизм, возникшие под влиянием окружения: семейства Рейтернов, представителей дюссельдорфского кружка и др. К.К. Зейдлиц расценивает эти изменения негативно. «Человек истинно добродетельный и с детства пламенно преданный вере на старости, под пиетическим влиянием окружавшей его среды, был доведён до душевного аскетизма и до такой степени поддавался этому учению, что <...> старался доказать своим друзьям, которые упрекали его в унылости духа, что его меланхолия не есть меланхолия и что у христианина “уныние образует животворную скорбь”, которая для души есть источник самобытности и победоносной деятельности» [10, с. 82-83]. Заключительным этапом становления религиозности Жуковского К.К. Зейдлиц считает возвращение поэта к «своему Богу». Биограф пишет: «наконец Жуковскому удалось сделать усилие над собой, и он вернулся, таким образом, к простоте веры своих молодых лет. Ему казалось, что он, при её помощи, счастливо избегнул скал и подводных мелей. <...> поэт ощутил воскрешение прежних образов с большею силою и яркостью, и его “Агасфер” должен был показать, как поэт, сквозь годы скорби и несчастья, может доходить до ясного религиозного сознания – до счастья и покоя» [10, с. 91].

Представители популяризаторского подхода к личности Жуковского акцентировали внимание на таких «популярных» аспектах

биографии поэта, как общественная и педагогическая деятельность. Известный московский педагог П. Загарин (Л.И. Поливанов) за два месяца написал 650-страничную биографию поэта, в которой обстоятельно проанализировал его общественную жизнь, взаимоотношения с представителями литературных кругов, представителями власти, духовными лицами и т. д. П. Загарин называет веру Жуковского «непотрясаемой», несмотря на её романтический и мистический характер. «Мы в изумлении останавливаемся перед живучестью и живительностью религии даже в той её форме, в которой она досталась на долю Жуковского,» – пишет исследователь [9, с. 577]. Такая вера, образовавшаяся «вдали от родного источника религиозных начал», с точки зрения биографа, была привита масонскими наставниками Московского благородного пансиона и представляла собой смесь мистицизма с рационализмом. На её формирование повлиял и трансцендентальный мир западной романтической литературы, переносящий в загробную жизнь всю личную жизнь человека с её земными радостями. Такую религию биограф называет «изнеженной», «фантастической», «вылощенной» [9, с. 577]. П. Загарин считает, что в последние годы болезнь жены, заботы о детях, старость, проблемы со здоровьем и приближение смерти повлияли на то, что Жуковский стал ближе к реальности, как никогда прежде почувствовал потребность в вере. Религиозную эволюцию писателя биограф расценивает как путь от романтической религии к традиционной православной.

Монография П. Загарина, написанная поспешно и содержащая большое количество искажённых фактов, была подвергнута серьёзной критике со стороны академика Н.С. Тихонравова. Однако, несмотря на критику, популяризаторская установка, инициированная П. Загариным, оказалась в дальнейшем достаточно жизнеспособной. В качестве примера можно привести малоизвестную, но весьма показательную работу «Очерки жизни и сочинений Жуковского, составленные П. Басистовым». В 1883 году вышло 2-е издание этой книги (исправленное и дополненное), приуроченное к 100-летию юбилею писателя. Она распространялась в учебных заведениях и носила «воспитательный» характер. Поэт был представлен в ней как

нравственный образец для юношества, особое внимание уделялось описанию его благотворительности, религиозности. Не анализируя особенностей веры поэта, её эволюции, автор монографии делает акцент на христианских аспектах жизни и творчества. В работе часто встречаются нравоучительные и высокопарные сентенции: «Под влиянием благотворных истин христианства, Жуковский в самой скорби видел ту же отеческую руку, и жалобы его превращались в благословение» [2, с. 48], «Только утешительный луч Веры, никогда не покидавший Жуковского, светил ему в этой тьме разочарования» [2, с. 66], «Жуковский принадлежал к тем редким счастливым, которых никогда не покидают Вера, Любовь и Надежда на переменчивом пути жизни» [2, с. 184] и т. д. В своей работе П. Басистов подробно описывает последние дни поэта, как образец жизни и смерти истинного православного христианина.

Для «популяризаторских» жизнеописаний Жуковского, появившихся в дореволюционный период свойственно упрощение разносторонней и многогранной личности поэта, подбор и интерпретация таких фактов его биографии, которые соответствовали задачам исследователей. К таким задачам, по мнению Е. Анисимовой, относились придание писателю «школьного» статуса «для всех», стремление возвести его в ранг «одной из икон классической русской словесности» [1, с. 74]. Для достижения этой цели исследовательский акцент переносился с творчества писателя на его личность, особое внимание уделялось описанию человеческих качеств натуры Жуковского, перечислению фактов его благотворительности, помощи разным лицам (А.С. Пушкину, Т.Г. Шевченко, К.Н. Батюшкову и другим), педагогической деятельности.

В 1884 году сын поэта Павел Жуковский передал в Императорскую Публичную библиотеку бумаги отца, что положило начало серьёзной исследовательской работе по изучению эпистолярного наследия, дневников и других материалов, связанных с Жуковским и его окружением. Таким образом, наметилась академическая традиция в изучении творчества поэта, начатая историко-литературным научным журналом «Русский архив», продолженная А.С. Архангельским,

И.А. Бычковым, Я.К. Гротом, Н.Ф. Дубровиным, В.И. Резановым, Н.С. Тихонравовым и другими исследователями. Высокий научный уровень работ указанных авторов установил критерий качества для дальнейшего изучения творчества Жуковского, предполагающий анализ материалов и документов, связанных с именем поэта. Биографический подход стал на долгие годы основополагающим в оценке его наследия.

В начале XX века академическая традиция в изучении биографии и творчества писателя была продолжена академиком А.Н. Веселовским в его монографии «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного” воображения». В этой работе, до сих пор не потерявшей своей научной актуальности, были обобщены и осмыслены многочисленные известные ранее и новые материалы о первом русском романтике, представлена концепция его творчества. По наблюдениям Л. Киселёвой, Т. Степанищевой и Е. Анисимовой, монография А.Н. Веселовского была написана в скрытой полемике с книгой К. Зейдлица и развенчивала «рыцарское», романтическое понимание житнетворческого сценария поэта [1, с. 15]. Концепция монографии, заявленная в её названии, сводилась к утверждению сентименталистской природы творчества поэта. В связи с этим автор рассматривал личность Жуковского не как индивидуальность, а как особый общественно-психологический тип, сформировавшийся под влиянием философии сентиментализма и отвечающий духу времени. Следование заданной установке помешало автору увидеть эволюцию мировоззрения и творчества Жуковского. А.С. Янушкевич, отдавая должное «необыкновенной мощи концепции учёного», всё же указывал на недостаток его исследовательской установки: «Сказав много интересного и нового о русском романтизме, об атмосфере духовной жизни русского и европейского общества начала XIX века, Веселовский сузил восприятие поэзии Жуковского, лишил её подлинного развития» [15, с. 33].

Религиозности писателя в монографии отводится существенное место. Исследователь скрупулёзно прослеживает «движения души» поэта, его шаги на пути к самовоспитанию и самопознанию. Такие

ключевые для творчества Жуковского темы и мотивы, как покорность Провидению, «небесное товарищество», смерть, красота, меланхолия, роль поэзии и поэта и другие, А.Н. Веселовский анализирует в контексте его религиозности. Внимание исследователя к христианскому мировоззрению поэта дало основания Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой сделать вывод, что автор монографии придавал «принципиальное значение проблеме религиозности Жуковского, видел в ней истоки его поэтики невыразимого», а также считал веру «началом всего духовного и поэтического облика Жуковского» [11, с. 5].

Иного мнения придерживается Д.В. Долгушин, который считает, что А.Н. Веселовский «относился к религиозным исканиям Жуковского неприязненно и свысока, расценивая их как бегство от социальных проблем», что объясняется «одномерностью» концепции исследователя, которая отразилась и на отношении к христианской эволюции поэта [8, с. 11].

Точка зрения Д.В. Долгушина кажется нам более обоснованной. В монографии многократно говорится об «ограниченности психических настроений», «однообразии», «односторонности» поэта, которые являются, по мнению А.Н. Веселовского, следствием сентименталистского мировосприятия, усвоенного и воспринятого Жуковским ещё в юности и неизменного на протяжении всей жизни. То же отсутствие эволюции наблюдает автор монографии и в отношении Жуковского к вере. Тщательно отбирая и цитируя эпистолярный, дневниковый и, конечно, поэтический материал, А.Н. Веселовский отмечает тончайшие эмоциональные нюансы христианского мировоззрения поэта и приходит к выводу о том, что как в литературных, так и в религиозно-политических взглядах Жуковского «прогресс состоял в упорядочении давно составленных убеждений» [5, с. 412]. Пиетизм писателя, появившийся у него после женитьбы под влиянием заграничного окружения, А.Н. Веселовский приписывает чувствительности поэта и не считает изменением в мировоззрении: «Пиетизм Жуковского – печать чувствительности; в нём и не произошло перелома, а лишь обострение; его окружали теперь пиетисты, верующие, лютеране и католики, <...> он обсуждает, взвешивает, но

не сдаётся, стоит на своём и жаждет непосредственной веры...» [5, с. 399]. Оценивая отношение поэта к христианству в последние годы жизни, исследователь снова говорит не об изменении, а только об «обострении» его религиозных интересов [5, с. 258]. Д.С. Долгушин отмечает, что «для Веселовского религиозность Жуковского даже в 1840-е годы есть доказательство его сентиментальности» [8, с. 11].

Монография А.Н. Веселовского синтезировала материалы и знания о творчестве Жуковского, стала итогом дореволюционной науки о поэте.

Заслуживает внимания ещё одна работа, автор которой рассматривает проблему религиозности поэта глубоко и неординарно. Это гимназическое сочинение известного русского философа и филолога А.Ф. Лосева, написанное в 1909 году. Развивая в своём сочинении взгляды В.Г. Белинского на романтическую природу творчества Жуковского, А.Ф. Лосев приходит к выводу, что именно христианство окрашивало романтизм поэта в оптимистичные тона, давало ответы на «вечные» вопросы о сущности существования человека. Будущий философ писал: «Романтизм Жуковского есть мировоззрение, которое всецело основывается на догматике христианства. Все идеи этого мировоззрения соединены в одно целое верою в существование Бога, который в представлении Жуковского является и Высочайшей Истиной и Бесконечным Добром и Совершеннейшей Красотой. <...> Отсюда тот светлый идеализм, то оптимистическое настроение, которые не покидали Жуковского всю его жизнь и которые придавали ему сил для сопротивления тяжёлым ударам недоброй судьбы. Ропот на Бога Жуковский считал недопустимым, потому что горячо верил, что от Него может быть только доброе» [13, с. 5]. Глубокая вера, по мнению А.Ф. Лосева, и поэзию писателя сделала «земной сестрой религии небесной». Именно в этом юный исследователь видит её непреходящее значение для потомков: «Жуковский будет всегда дорог для каждого человека, и если устареет его язык, устареют стихи, то не потеряет значения его мирозерцание, которое с редкостной силой отразилось в его произведениях» [13, с. 6].

Итак, для периодов прижизненной критики и дореволюционного литературоведения характерны разные подходы к изучению биографии и творчества Жуковского, в том числе и их религиозной составляющей. Прижизненная критика сосредоточила внимание на осмыслении стилевого, жанрового, поэтического новаторства Жуковского, особенностей его романтического мировосприятия, в свете которого воспринималась, как правило, и религиозность поэта.

После смерти Жуковского начинается активное создание биографического мифа о поэте. Религиозный путь романтика интерпретируется соответственно с концепциями исследователей или как возвращение к «простоте веры своих молодых лет» (интерпретация К. Зейдлица), или как путь к православию (популяризаторский подход), или как процесс, состоящий лишь в упорядочении «давно составленных убеждений» (А.Н. Веселовский) и являющийся следствием чувствительности и сентименталистской природы мироощущения Жуковского.

Советское и современное литературоведение выработало свои стратегии исследования творчества и религиозности первого русского романтика. Анализ этих стратегий требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

1. Анисимова Е.Е. В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 1. Время юбилеев, пространство власти, механизмы конструирования поэтической биографии / Е.Е. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 71-89.
2. Басистов П. Очерки жизни и сочинений Жуковского, составленные П. Басистовым / П. Басистов. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное, – М.: Типография Т. Рис, 1883. – 184 с.
3. Белинский В.Г. Очерки русской литературы. Соч. Николая Полевого / В.Г. Белинский // В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 3: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840. – 1953. – С. 499-520.
4. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году / В.Г. Белинский // В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 5: Статьи и рецензии 1841–1844. – 1954. – С. 521-588.

5. Веселовский А.Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А.Н. Веселовский. – С.-Петербург, 1904. – 548 с.
6. Виницкий И.Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского / И.Ю. Виницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
7. Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь. – С.-П.: Азбука-Классика, 2005. – 535 с.
8. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма / Д.В. Долгушин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси. – 2009. – 352 с.
9. Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения / П. Загарин. – М.: Изд. Л. Поливанова, 1883. – 650 с.
10. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783–1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям / К.К. Зейдлиц. – Спб.: Изд. редакции «Вестника Европы», 1883. – 277 с.
11. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.) / Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 304 с.
12. Киселева Л., Степанищева Т. К источникам книги Веселовского о Жуковском (К. Зейдлиц) / Л. Киселева, Т. Степанищева // Вопросы литературы. – 2007. – № 6. – С. 108–117.
13. Лосев А.Ф. Романтические идеи в элегиях и балладах Жуковского / А.Ф. Лосев // Московский журнал. – 1999. – №12. – С. 2–6.
14. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры / И.М. Семенко. – М.: Худ. лит-ра, 1970. – 296 с.
15. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский: Семинарий: [учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»] / А.С. Янушкевич. – М.: Просвещение, 1988. – 175 с.

Анотація

О.В. Волошко. Релігійний світогляд В.А. Жуковського в прижиттєвій критиці та дореволюційному літературознавстві.

У статті досліджуються наукові стратегії вивчення біографії та творчості В.А. Жуковского, їх релігійної складової в прижиттєвій критиці та дореволюційному літературознавстві. Актуальність обраної теми обумовлена інтересом до вивчення релігійного дискурсу в національних літературах загалом та у творчості Жуковського зокрема, а також важливістю осмислення ролі першого російського романтика в історико-літературному процесі.

Предметом дослідження є найбільш суттєві критичні та літературознавчі концепції творчості поета (В.Г. Белинского, А.Н. Веселовского, Н.В. Гоголя, П.В. Загарина, К.К. Зейдлица), завдяки яким сформувалось уявлення щодо творчості письменника, а також маловідомі роботи (П. Басистова, А.Ф. Лосева), у яких знайшли відображення тенденції сприйняття релігійності письменника, характерні для часу їх створення.

Ключові слова: біографія, світогляд, релігійність, критика, концепція, стратегія, інтерпретація.

Аннотация

А.В. Волошко. Религиозное мировоззрение

В.А. Жуковского в прижизненной критике и дореволюционном литературоведении.

В статье исследуются научные стратегии изучения биографии и творчества В.А. Жуковского, их религиозной составляющей в прижизненной критике и дореволюционном литературоведении. Актуальность избранной темы обусловлена интересом к изучению религиозного дискурса в национальных литературах в целом и в творчестве Жуковского в частности, а также важностью осмысления роли первого русского романтика в историко-литературном процессе.

Предметом исследования являются наиболее существенные критические и литературоведческие концепции творчества поэта (В.Г. Белинского, А.Н. Веселовского, Н.В. Гоголя, П.В. Загарина, К.К. Зейдлица), благодаря которым формировалось представление о творчестве поэта, а также малоизвестные работы (П. Басистова, А.Ф. Лосева), в которых отразились характерные для времени их создания тенденции восприятия религиозности писателя.

Ключевые слова: биография, мировоззрение, религиозность, критика, концепция, стратегия, интерпретация.

Summary

A. Voloshko. Religious Worldview of V.A. Zhukovsky in Lifetime Criticism and Pre-revolutionary Literary Criticism.

The article investigates scientific strategies of studying of the biography and creativity of Zhukovsky, their religious component in lifetime criticism and pre-revolutionary literary criticism. Topicality of the chosen topic is explained by the interest in studying of a religious discourse in national literatures in general and in works by Zhukovsky in particular, and by the importance of analyses of a role of the the first Russian romantic writer in historial and literary process.

The subject of research is the most essential critical and literary concepts about the poet (V.G. Belinsky, A.N. Veselovsky, N.V. Gogol, P.V. Zagarin, K.K. Zeydlits), due to which the idea about creativity of the poet was formed; and also little-known works (P. Basistov, A.F. Losev), in which tendencies of perception of religiousness of the writer, which were typical in their time, were reflected.

Keywords: biography, worldview, religiousness, criticism, concept, strategy, interpretation.

Інформація про автора

Волошко Олександра Віталіївна: ORCID: 0000-0002-4079-4090; аспірантка кафедри світової літератури Полтавського національного педагогічного університету імені В.Г. Короленка; вул. Остроградського, 2, м. Полтава, 36003, Україна

УДК 821.161.1 - 1

Я.В. Галаган

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА В ПОЭЗИИ М.Д. РАХЛИНОЙ

Человек, обладая цветовым зрением, способностью к цветоощущению, на протяжении всей своей жизни находится в мире цвета, формируя свою цветовую картину мира. Особенности восприятия цвета многократно становились предметом внимания физиологов и психологов. Психология цветовосприятия исследовалась В.М. Бехтеревым, К.В. Бардиным, Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Максом Люшером, Генрихом Фрилингом, Ксавером Ауэром и многими другими. Об эмоциональном восприятии цвета писал еще И.В. Гёте. Он первым обнаружил взаимосвязь между цветовыми впечатлениями и душевным состоянием человека: «Цвета действуют и на душу: они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции, которые нас успокаивают или волнуют, печалят или радуют» [1, с. 39]. В начале XX века к этой проблеме обратился выдающийся русский художник Василий Кандинский в работе «О духовном искусстве» (1910).

Особый интерес для филологических и культурологических исследований представляет цветообраз в художественной культуре, поэтика цветообраза в литературном произведении, где он выступает не только как отражение объективной реальности, но и как яркое проявление субъективного творческого начала. Австрийский философ Рудольф Штайнер, стремившийся познать человека «душевно-духовно», еще в конце XIX века высказывал мнение, что «свет и цвет или теплота суть нечто чисто субъективное» [10, с. 29]. Большинство исследователей склонны считать, что цвет – это «осознанный, тщательно продуманный прием, помогающий художнику слова выразить свои мысли и чувства» [2, с. 122].

К проблеме функционирования цветообраза и использования колоративов в художественных текстах обращались такие выдающиеся филологи, как М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский,